

С. В. Иванов

Старинный якутский обряд, связанный
с рождением ребенка

В октябре 1937 г., находясь в Москве, я имел возможность встретиться и беседовать со знатоком якутской старины — якуткой Марией Николаевной Ионовой.¹ Она поделилась со мной сведениями о старинном

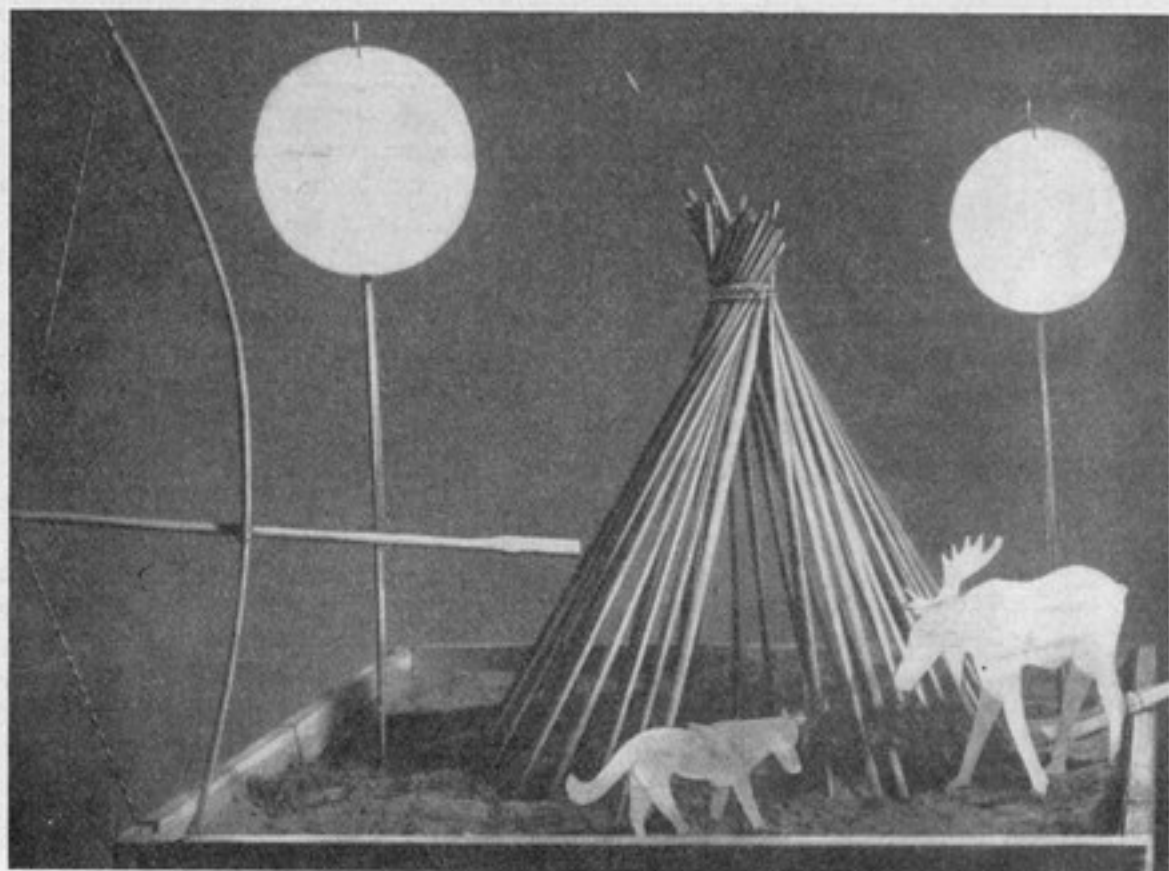

Рис. 1. Предметы для урасы, изготовленной для новорожденного мальчика.

обряде, связанном с рождением ребенка, у якутов Таттинского и Баягантайского улусов б. Якутской области. Эти сведения существенно дополняют данные, известные ранее по литературным источникам.

¹ М. Н. Ионовна родилась в Якутии в начале 60-х годов XIX в. и жила там до 1910 г.

Особенно ценными являются сделанная М. Н. Ионовой деревянная модель урасы (конического шалаша) и ряд других предметов и изображений, игравших важную роль в этом обряде.²

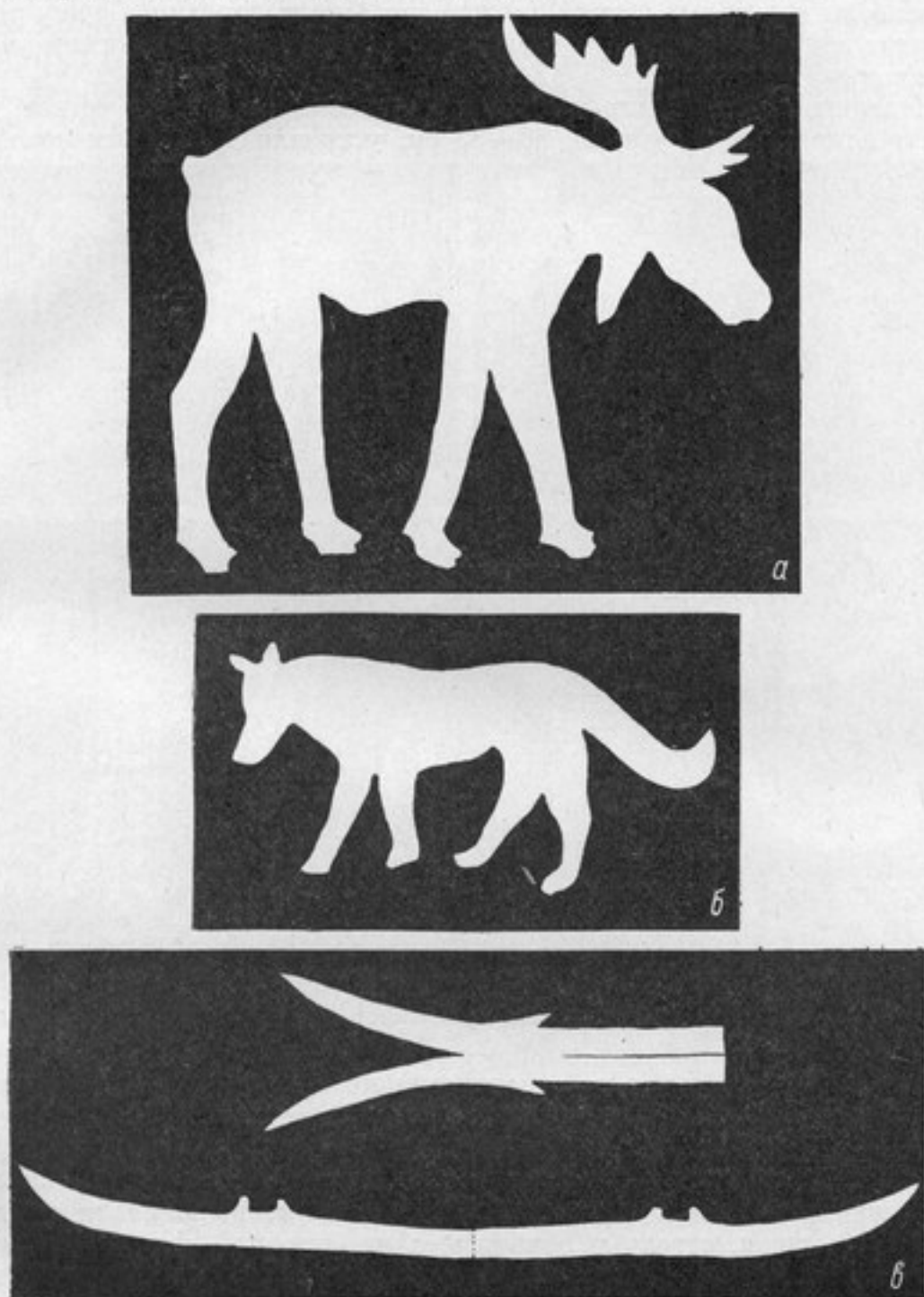

Рис. 2. Изображения из бумаги (или бересты), предназначенные для мальчика.

а — лось; б — собака; в — лыжи.

Уже в начале XX в. обряд выполнялся не всеми якутами, а после Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с развитием сети медицинских учреждений в Якутской АССР, полностью утратил свое значение.

² Модель урасы вместе с другими предметами хранится в МАЭ (колл. № 6602-1).

С этнографической точки зрения как сам обряд, так и относящиеся к нему предметы представляют интерес. По наблюдениям М. Н. Ионовой, в доме, где находилась роженица, на третий день после родов якуты устраивали «проводы» богини плодородия Аисыт, дарующей душу ребенку и в этот день якобы покидающей роженицу.³ В проводах богини участвовали только женщины.

Недалеко от места, где находилась роженица, обычно у ее ног, вырывали в земле ямку глубиной 30—35 см, устилали дно белым волосом из

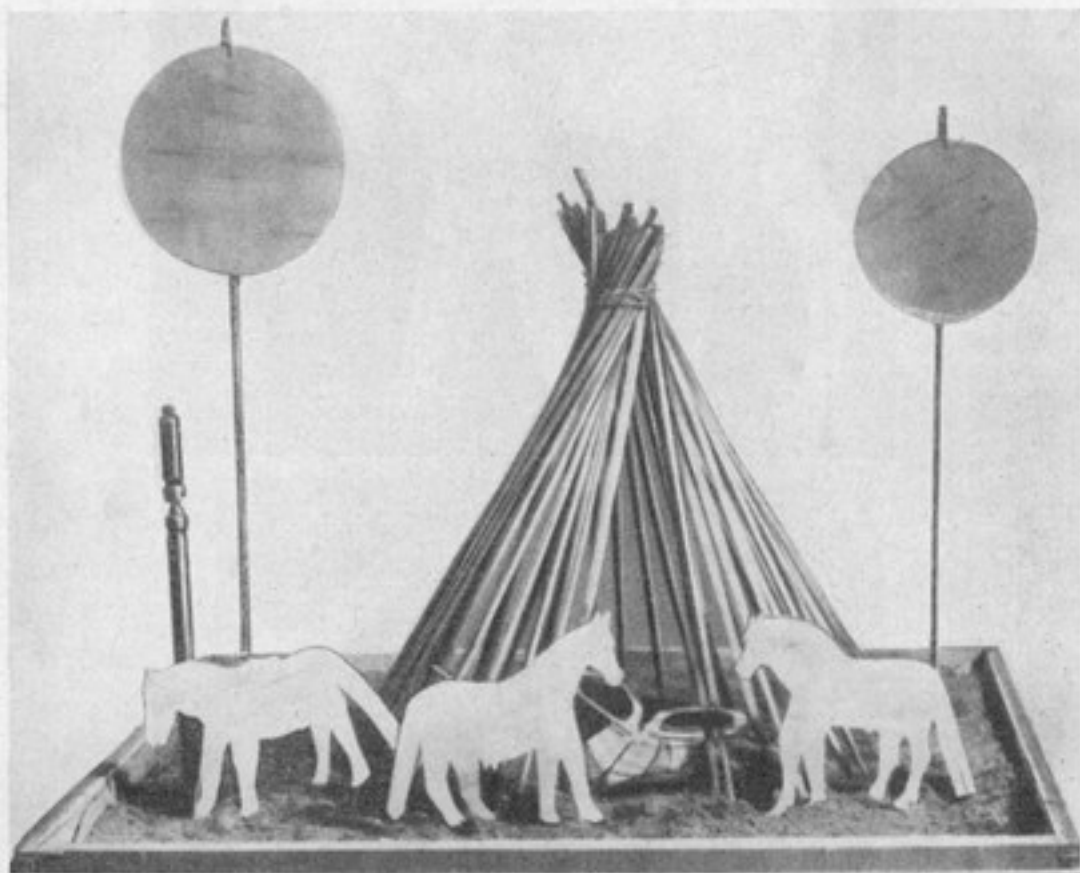

Рис. 3. Предметы для урасы, изготовленной для новорожденной девочки.

конской гривы и поверх него помещали небольшой берестяной турсучок с последом (плацентой), накрытый кусочком бересты. Затем ямку засыпали землей, но не доверху. В оставшееся углубление закладывали щепочки. Тем временем другие женщины заготавливали из щепок жердочки для остова урасы длиной 30—35 см, вырезывали из дерева маленький лучок, стрелу и коновязь, а из бересты — фигурки животных и изображения солнца и луны.⁴ Когда все было готово, жердочки втыкали

³ Согласно Э. К. Пекарскому, Аисыт — общее название богинь плодородия, творчески способствующих размножению людей, коней, рогатого скота, лисиц и т. д. Аисыт — создательница, ходатай по зачатию детей, покровительница рожениц, богиня родов. Она дает новорожденному *кут* — душу, т. е. «собственно соединяет имеющиеся в наличности элементы кут, заложенные в землю, воздух и женщину, и образует единый кут». Иногда она отождествляется с Иайэхсит (Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Вып. 1. СПб., 1907, стр. 54, 55). А. А. Попов сообщает и о других именах якутской богини деторождения: Няльбый ан, Кюбей хотун, Ахтар Аисыт, Джалгыр-Аисыт (А. А. Попов. Материалы по шаманству. Культ богини Аисыт у якутов. КПВ, 1928, кн. III, стр. 125).

⁴ В 1918 г. в МАЭ поступила небольшая деревянная ураса, изготовленная якутами для обряда проводов богини Аисыт. Высота урасы 38 см, диаметр основания

в землю вокруг ямки с последом. Входное отверстие урасы делали с восточной стороны. На юг от урасы втыкали шест с привязанным к нему веревкой берестяным кружком, изображавшим солнце, на северной стороне устанавливали такой же шест с изображением луны.⁵ Если новорожденным был мальчик, то к стенке урасы, с северной ее стороны, прислоняли берестяную фигурку лося, головой на восток; за нею поме-

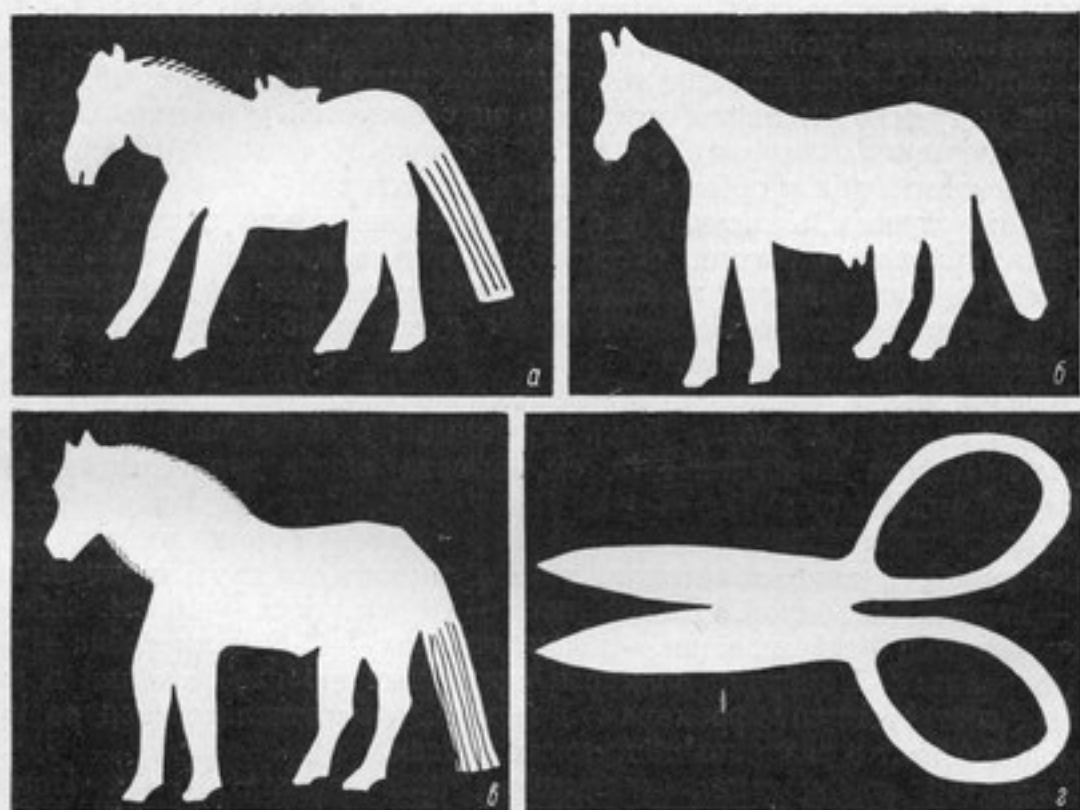

Рис. 4. Изображения из бумаги (или бересты), предназначенные для девочки.

а — оседланный конь; б — кобыла; в — жеребец; г — ножницы.

щали лыжи, а перед лосем — фигурку собаки, головой к лосю (рис. 1, 2). Она должна была «стеречь» лося. «Мальчик, — объясняли якуты, — должен жить для охоты, и ему необходим успех в этом деле, поэтому фигурка лося и должна ставиться около урасы». Для девочки состав животных был другим: «Когда она вырастет и выйдет замуж, — говорили якуты, — ей нужен будет конь для езды, кобыла для домашнего хозяйства и жеребец, чтобы плодились жеребцы». Кроме того, ей необходимы ножницы, чтобы научиться кроить и шить. Их изображение помещали в центре урасы; фигурку кобылы ставили с восточной стороны, головой к входу; фигурку жеребца — подальше, ближе к северной стороне урасы, головой на восток; фигурку коня под седлом — на юго-восточной стороне, головой к югу, рядом с деревянной коновязью (рис. 3, 4).

22 см. Около нее имеется коновязь (*сэргэ*) высотой 26 см. Других предметов при экспонате нет.

⁵ Оленные чукчи кладут послед на землю в углу шатра. «Над последом ставят три палки, связанные вместе наподобие трех основных шестов остова шатра. При перекочевке послед остается на месте и вокруг палок обертывают кусок кожи, изображающий покрытие шатра». Приморские чукчи и коряки помещали послед вместе с прикрытием на открытом воздухе, снаружи шатра (В. Г. Богораз-Чукчи. II. Л., 1939, стр. 117).

Когда все было установлено, поджигали щепочки, лежавшие в ямке в центре урасы, которая также загоралась, и если новорожденным был мальчик, то его мать, взяв лучок и стрелу, стреляла в фигурку лося, которая падала в пылающий костер. Туда же сбрасывали затем лучок и другие фигурки. Сжигали в огне и урасу с фигурками, изготовленную для девочки, при этом изображения животных присутствовавшие брали не руками, а захватывали ножницами. Кроме того, женщины бросали в огонь кашу с маслом, предназначенную для богини Ансыт, а также остатки пищи — кусочки мяса, масла.

Женщины старались при этом дышать дымом от костра, мазали лицо маслом и громко смеялись, испрашивая себе детей у богини. Считалось, что та женщина, которая больше всех надышится дымом и громче всех будет смеяться, родит ребенка в следующем году.

Таким образом, описанный обряд имел несколько целей: зарывание послета, «проводы» богини, обеспечение успеха в охоте и, наконец, приобщение к плодovitости женщин, присутствовавших в доме роженицы. Лук и стрела считались вместилищем души мальчиков, а ножницы — вместилищем души девочки.⁶

Высота урасы, сделанной М. Н. Ионовой, достигает 30 см, количество жердочек — 55 (их могло быть и больше, в зависимости от размеров урасы), высота коновязи — 18 см, высота шеста для солнца — 11 см, луны — 9 см. Изображение солнца помещалось выше луны и превосходило ее по размерам. Длина лучка — 41,5, стрелы — 26 см, рабочий конец у нее тупой, в виде лопаточки, тетива состоит из двух перевитых ниток — черной и белой. Длина лыж — 10 см, лося — 16 см, собаки — 10 см, ножниц — 14 см, коня — 12 см, кобылы — 11,5 см, жеребца — 11 см.

По словам Ионовой, размеры сделанных ею изображений и самой урасы соответствуют размерам предметов, изготовлявшихся во время проводов Ансыт в различных якутских улусах.

Характер изображения животных, выполненных М. Н. Ионовой, реалистический. Обращает на себя внимание тяжелая, неуклюжая фигура лося и выразительная фигура собаки. Лошади менее удачны.

Как комплекс предметов в целом, так и различие между изображениями для мальчиков и девочек представляют с этнографической точки зрения значительный интерес.

Рассмотрим сначала изображения, делавшиеся для мальчика. Охота на лося — самого крупного мясного зверя тайги — выдвигалась в обряде как главное, основное занятие мужчин. Таким образом, изображения и их семантика отражали не скотоводство, не степные просторы, а древнейшую в Сибири охоту на лося, жизнь в условиях тайги. Охотник преследовал лося на лыжах, в сопровождении собаки. Все эти детали позволяют видеть в комплексе предметов для мальчика отражение более ранней формы хозяйства якутов, а также деятельность коренного населения, с которым встретились якуты при продвижении на север. Охота на лося и оленя составляла важную отрасль хозяйства древних лесных тюркоязычных племен Центральной Якутии, в IX—X вв. вошедших в состав якутов.⁷

Иной характер носила семантика изображений, предназначавшихся для девочки. Здесь, наоборот, все указывало на кочевой образ жизни

⁶ См. также: А. Е. Кулаковский. Примечание к книге «Ырыа-хфоон». Якутск, 1946, стр. 303; А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. В кн.: История Якутской АССР. Т. I. М.—Л., 1955, стр. 46—47.

⁷ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству, стр. 332, 333, 338.

в прошлом, на коневодство как главную отрасль якутского хозяйства и на важную роль в нем женщины. Предусматривалось и то, что девочка должна была стать в будущем хорошей швеей.

Можно предположить, что моменты, связанные с главными отраслями хозяйственной деятельности якутов, играли самую большую роль в обряде. Кроме того, обряд был направлен на обеспечение продолжения рода и приобщение женщин к плодовитости. Естественно поэтому, что в проводах богини плодородия и покровительницы женщин принимали участие только женщины.

Берестяные фигурки интересны и с художественной точки зрения. Они свидетельствуют о массовой изобразительной деятельности якутских женщин в прошлом, об искусстве, о котором очень мало говорится в этнографической литературе XIX—начале XX в. Обращаясь к этому источнику, мы находим и подтверждение фактов, сообщенных М. Н. Ионовой, и отклонения от них.⁸ Вероятно, состав изображений, связанных с постройкой урасы для новорожденного, был не одинаков в различных районах дореволюционной Якутии или отражал не только ранние, но и более поздние формы хозяйства и их преломление в обрядности. С. В. Ястремский перечисляет следующие предметы для мальчиков: лось, олень, лучок и три стрелы, солнце, луна.⁹ К. Ф. Трощанский говорит о фигурках различных промысловых животных и коня с седоком.¹⁰ Имеются указания на изображения не только лося, оленя, лучка и стрелы, но и коня с переметной сумой, стоящего у коновязи.¹¹

Варианты комплекса изображений для урасы девочки: сохатый, олень, кобыла;¹² ножницы, конь с седоком;¹³ ножницы, иглолка, наперсток и нитки (подлинные);¹⁴ кобыла, жеребцы с намордниками, коровы и телята.¹⁵

В перечисленных комплексах выступают чаще всего поздние, смешанные формы хозяйственной деятельности мужчин и женщин, но отмечаются и древние виды охоты (на лося и оленя).

Г. У. Эргис рассказал нам о виденных им фигурках, изготовленных для мальчика. Перед ямкой с последом установлена была небольшая ураса. Слева от нее — деревянная коновязь, берестяные фигурки жеребца, кобылы и жеребенка; справа от урасы — берестяные лось и лосенок и два деревца, вырезанные из деревянного колышка. Деревья вырезывала обычно бабка, а берестяные фигурки — одна из одаренных в художественном отношении женщин, участниц обряда. В данном случае в лося и лосенка стрелял из лука приглашенный для этой цели подросток, после чего урасу и все изображения поджигали, бросали в ямку с последом и забрасывали землей. Значение изображений было близко к значению описанных ранее фигур: лошади предполагали будущее изобилие коней, а лось и лосенок — успех в охоте на этих животных. Деревья, вероятно, изображали тайгу.¹⁶

⁸ См.: Н. Н. Бурыкина. Якутские обычаи, связанные с рождением ребенка. Об. тр. исслед. общ. «Саха-кескиле», 1928, вып. 5, Якутск.

⁹ С. В. Ястремский. Остатки старинных верований у якутов. ИВСОРГО, 1897, т. 28, 4, стр. 233.

¹⁰ К. Ф. Трощанский. Любовь и брак у якутов. ЖС, 1909, вып. II—III.

¹¹ А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Зап. Якутск. краеведч. общ., 1923, кн. I, Якутск, стр. 97—98.

¹² Там же.

¹³ Н. Н. Бурыкина. Якутские обычаи, связанные с рождением ребенка, стр. 147.

¹⁴ К. Ф. Трощанский. Любовь и брак у якутов, стр. 8.

¹⁵ С. В. Ястремский. Остатки старинных верований у якутов, стр. 233.

¹⁶ Устное сообщение Г. У. Эргиса, 1946 г.

Иногда вместо одной ставили три урасы,¹⁷ а в оленя и лося стреляла одна из девиц.¹⁸ В. Л. Приклонский иначе описывает действия, происходившие на третий день после родов. В этот день отец новорожденного приглашал к себе в дом родственников и почетных гостей и угощал их кониной. Он же делал в юрте маленькую урасу и ставил около нее вырезанных из дерева жеребца и кобылу, а также пустой горшок, который заполняли стружками. Приглашенный с улицы мальчик зажигал их и стрелял в фигуру кобылы из лучка. Женщины в это время мазали себе лицо и руки маслом, громко смеялись и кричали: *уруй!*¹⁹

А. А. Попов описывает тот же обряд у вилейских якутов. Проводы Аисыт происходили на третий день после родов, рано утром. Остов урасы делался из лучинок и покрывался узорными кусочками бересты. Из нее же вырезывали коня с переметной сумой, лося и оленя. Если новорожденным ребенком была девочка, то вместо коня вырезывали фигурку кобылы. В некоторых местах Якутии вырезывали из бересты изображения меха для кумыса и трех верховых лошадей. Лошадей привязывали к маленькой деревянной коновязи. Во время обряда женщины удаляли из дома всех мужчин и крепко запирали за ними двери, иногда завешивали окна. Бабка или женщина, уже имевшая ребенка, разводила огонь, а одна из девушек из деревянного лучка выпускала в фигурки лося и оленя стрелу, а если имелись только кони, то стрелу пускала прямо в огонь. Затем присутствовавшие женщины намазывали себе лица и волосы топленным маслом и начинали громко хохотать, простирая руки к огню и поднося их к лицу. Когда огонь угасал, урасу разрушали, вынимали коновязь и все эти предметы вместе с фигурками животных бросали в ямку. Туда же помещали послед, белый конский волос, мелкие серебряные монеты и все забрасывали землей.²⁰ В этом обряде обращает на себя внимание момент женской охоты на крупного копытного зверя.

Женское божество Аисыт у якутов Н. П. Дыренкова сравнивает с божеством Умай, представления о котором отмечены были не только у многих тюркоязычных народов Сибири, но также у киргизов и оседлых узбеков. Утрату якутами имени Умай и замену его именем Аисыт она приписывает влиянию на якутов каких-то других, видимо нетюркоязычных, народов.²¹ Семантика, связанная с Аисыт и Умай, весьма сходна. Та и другая считались покровительницами новорожденных.

По наблюдениям В. Л. Серошевского, якуты Колымского края делали из цветных тряпок маленькие фигурки Аисыт. Девушки, желавшие вымолить у этой богини плодородие, помещали ее фигурку на балку, над своей постелью.²²

Были ли подобные или другие изображения Аисыт у всех групп якутов или только у колымских — неизвестно. Можно все же предполагать, что когда-то они были распространены в среде тюркоязычных народов, в их числе и у якутов. На это, по нашему мнению, косвенно указывают изображения Умай у телеутов и покровительницы женщин у долган. Телеуты с целью охраны ребенка вешали над его колыбелью маленький деревянный лучок с деревянной стрелой. К стреле прикрепляли белую

¹⁷ С. В. Ястремский. Остатки старинных верований у якутов, стр. 233.

¹⁸ А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов, стр. 97—98.

¹⁹ В. Л. Приклонский. Три года в Якутской области. ЖС, 1891, вып. III, стр. 63—64.

²⁰ А. А. Попов. Материалы по шаманству, стр. 127.

²¹ Н. П. Дыренкова. Умай в культе турецких племен. КПВ, 1928, кн. III, стр. 139.

²² В. Л. Серошевский. Якуты. Т. I. СПб., 1896, стр. 672, 673.

тряпочку, носившую название *Май-ана* (Умай).²³ Возможно, что такого рода изображения могли вырезываться когда-то из войлока или другого материала и иметь более выраженный антропоморфный облик богини.

Долганы, испытавшие влияние культуры якутов, при родах вырезывали упрощенное деревянное изображение покровительницы женщин *Ныйсь, Джахтар айыта* или *Няджи*.²⁴

Ближайшую аналогию обряду, связанному с рождением ребенка, мы находим у хори-бурят Агинского аймака. На третий день после родов они совершали обряд «очищения». В этот день на восточной стороне от очага, на месте рождения ребенка, выкапывали круглую ямку и помещали в нее вместе с различными предметами и пищей войлочный мешок с последом. Затем ямку засыпали землей. После очищения роженицы и ее вещей дымом от горящих на углях трав над засыпанной ямкой сооружали из сухих тонких палочек (березовых или сосновых) небольшой балаганчик (*урса*, ср. с якутской урасой). Его покрывали бараньим сальником, а сверху — белым платком, затем все обматывали красной шелковой ниткой. К этому времени приготавливали разного рода блюда и чашки с топленым маслом. Очищение проходили и все присутствовавшие в доме женщины. Мужчины в этом обряде участия не принимали. Очищение считалось особенно полезным для бездетных женщин и тех, кто хотел иметь еще детей. Женщины усаживались вокруг балаганчика, и одна из них зажигала внутри него огонь. Затем, набрав в рот топленого масла, женщины брызгали им в горящий балаганчик, троекратно обводили по воздуху тарелками с пищей и громко произносили: *аахруй!* — что означало «приди (счастье)». Участницы обряда вели себя при этом весьма развязно, шутили, смеялись, советовали друг другу приложить старания в совершении обряда, чтобы скорее стать матерью.²⁵

Отличие бурятского обряда от якутского заключалось в деталях его проведения и в отсутствии изображений солнца, луны, диких и домашних животных. У якутов особое внимание уделялось будущему благополучию ребенка, а у бурят важнейшую часть обряда составляла забота о получении потомства. Однако ряд моментов бурятского обряда очищения и якутского обряда проводов Аисыт позволяет предполагать их глубокую связь друг с другом, обусловленную либо тесным культурным общением этих народов в прошлом, либо вхождением в состав бурят каких-то тюркоязычных групп, близких к якутам. Не исключено, что такими группами могли быть отдельные роды или племена курыканов. Это тем более вероятно, что бурятский этноним хори «совпадает с наименованием курыкан, которые у восточных писателей XI—XII вв. (например, у Тахира Марвази) известны были под именем кури или фури».²⁶

Описанные якутские и бурятские обряды не связаны с шаманством и являются, по-видимому, весьма древними.

²³ Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. СМАЭ, 1927, VI, стр. 24, рис. 4.

²⁴ МАЭ, опись колл. № 5658-40; А. А. Попов. Семейная жизнь у долган. СЭ, 1946, № 4, стр. 52, рис. 2.

²⁵ Подробнее см.: Б. Б. Бародин. Рождение ребенка у бурят-монголов. ЖБ, 1926, № 7—9.

²⁶ Г. Н. Румянцев. Патриархально-феодалные отношения у бурятских племен (XIV—XVII вв.). В кн.: История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 53.